

Папков А. И.
(Белгород)

УДК 94(47).04

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ОБОРОНЫ ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ РОССИИ¹

Строительство Белгородской черты определило судьбу Центрального Черноземья и оказало серьезное влияние на историю России второй половины XVII столетия. С этого времени и практически на столетие, история укрепленных линий стала историей освоения Россией прилегающих пространств. Автор считает, что такой грандиозный проект не мог возникнуть одновременно и пытается определить его предпосылки. Такой подход определяет научную новизну работы. А исследование истории территориального расширения России в настоящее время является весьма актуальным. Статья основана на обобщении результатов научных исследований, в которых рассматриваются вопросы борьбы Российского государства с кочевниками, начиная с XV века. В статье рассматривается значение мер, использованных Иваном III при организации обороны на берегах реки Угры в 1480 г., для выработки дальнейшей стратегии военного противостояния Российского государства Орде и государствам, образовавшимся в дальнейшем на ее территории. Организация обороны на широком фронте с опорой на естественные рубежи в сочетании с активной разведкой в целях перекрытия наиболее вероятных путей вторжения противника впервые принесла успех в 1480 г. На протяжении двух последующих столетий стратегия и тактика татарских вторжений не изменилась, и выработанные меры продолжали оставаться эффективными. Победа в 1480 г. повлияла на формирование государственной стратегии противодействия татарам. Эта стратегия наиболее ярко проявилась в ходе расширения государственной территории России в южном направлении в XVI-XVII вв. Выработанная стратегия может восприниматься как оборонительная, но эти меры позволили осуществлять постепенное продвижение в Степь и обеспечили победу над противниками.

Ключевые слова: стояние на Угре, Орда, татарское иго, Российское царство, Юг России, Крымское ханство, Речь Посполитая, порубежье.

The construction of the Belgorod fortification line determined the development of the Central Black Earth region and had a serious impact on the history of Russia in the second half of the XVII century. Since that time, and for almost a century, the history of fortification lines has become the history of Russia's development of adjacent spaces. The author believes that such a grandiose project could not be created quickly and tries to determine its prerequisites. This approach determines the scientific novelty of the work. A study of the history of territorial expansion of Russia is currently very topical. The article is based on the generalization of the results of scientific research, which deals with the struggle of the Russian state with nomads since the XV century. The significance of the measures taken by Ivan III in the organization of defense on the banks of the river Ugra in 1480, to develop the future strategy of military confrontation between the Russian state and the Horde and States that were formed on the territory of Horde in the future is considered in the article. The organization of defense on a broad front based on natural boundaries, combined with active reconnaissance in order to block the most likely routes of enemy invasion for the first time brought success in 1480. For the next two centuries the strategy and tactics of the Tatar invasions have not changed and measures, that had been developed previously, continued to be effective. The victory in 1480 influenced the formation of the state strategy to fight against Tatars. This strategy is most evident during the process of Russia's state territory expansion in the

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00313 А.

Southern direction in XVI-XVII centuries. The developed strategy can be perceived as defensive, but these measures have allowed to carry out a gradual movement into the Steppe and provided victory over the adversaries.

Keywords: the Great Standoff on the Ugra River, the Horde, Tartar conquest, Russian Tsarstvo, South of Russia, Krym Khanstvo, Polish-Lithuanian Commonwealth, frontier.

DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-46-31

Не вызывает сомнения, что строительство Белгородской черты определило судьбу Центрального Черноземья и оказало серьезное влияние на историю России второй половины XVII столетия. С этого времени и практически на столетие история укрепленных линий стала историей освоения Россией прилегающих пространств. В результате граница России на всем пространстве Восточной Европы, от границы с Польшей до Урала, оказалась впервые в русской истории защищена от набегов. В многовековом противостоянии земледельцев и кочевников наступил перелом. Трудно предположить, что такой грандиозный проект возник одновременно. Вероятно, целесообразно попытаться определить его предпосылки. Начать их поиск можно с события, которое традиционно именуется «стоянием на Угре». Как событию политической истории России ему уделено достойное внимание [14, с. 168-174; 22, с. 74]. С точки зрения истории военного дела, «стояние» также представляет значительный интерес [16, с. 110-132]. Можно согласиться с указанием на психологический барьер, из-за которого было сложно заставить себя вести активные действия против «главного» татарского хана, в течение более чем двух столетий считавшегося правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей [6, с. 173; 1, с. 120]. Думается, что сочетание этого фактора и специфики ведения войны в степи, где в XV в. основным противником Руси выступала татарская конница, в условиях появления в русском войске артиллерии, отразилось не только на тактических приемах скоротечных полевых сражений с татарами [20, с. 54], но и на выработке долговременной стратегии противодействия Орде и ее наследникам. При этом, можно предположить, что разгром татар в полевом сражении в 1380 г., которому предшествовало выдвижение русских войск достаточно глубоко в степь, не означал победы над Ордой, поскольку ордынцами командовал не законный хан, а темник Мамай. Более того, в военно-политическом отношении успех Куликовской битвы во многом был нивелирован разгромом Москвы в 1382 г. Тохтамышем.

Достаточно отчетливо иная стратегия проявилась в 1472 г., когда после получения известия о начале похода на Русь хана Ахмата началось развертывание русских войск на берегу Оки. При этом стала понятна необходимость тщательной организации обороны на левом берегу Оки, не случайно она длительное время была основным российским оборонительным рубежом в борьбе со Степью. Вместе с тем, проявилась потенциальная возможность использования опорных пунктов для успешной организации обороны. Можно сказать, что гибель Алексина в 1472 г., который находился на правом (степном) берегу Оки и, даже не имея укреплений, на три дня задержал продвижение противника, не только позволила подтянуть дополнительные русские силы к месту сражения [2, с. 180; 15, с. 33], но и показала целесообразность перекрытия направления главного удара степного противника. Эти события вполне справедливо связываются с зарождением оборонительной береговой службы [17, с. 25]. Впрочем, первые воинские контингенты, еще не очень многочисленные, начинают дислоцироваться по Оке еще в 60-70-х гг. XV в. Военные силы, исполнявшие «береговую службу», в основном базировались в Коломне — главном центре обороны окского рубежа. Далее, с 1472 по 1480 г. в состав «берега» были включены другие города-крепости, стоявшие на Оке — Алексин, Перемышль, Таруса, Кашира, Серпухов, Калуга, Ростиславль. Именно в 70-80-е гг. XV в. появляется расширительное толкование «берега» на все течение Оки от Коломны до устья Угры [18, с. 204-205].

К началу июня 1480 г. стало ясно стремление хана Ахмата совершить нашествие на Россию. Масштаб сил и неизвестность направления главного удара, а также опыт 1472 г.

предопределили развертывание главных русских сил на оборонительном рубеже по берегу Оки. Своевременная организация обороны вынудила татар предпринять обходной маневр и двинуться к Угре, что повлекло за собой соответствующую рокировку русских войск [3, с. 239-240]. Особенности театра военных действий допускали две возможности для войск хана Ахмата в организации дальнейшего наступления. Во-первых, это могла быть попытка форсировать реку большими силами в удобном месте. Во-вторых, это могли быть попытки прорыва отдельных отрядов в разных местах через Угру по бродам (они не были удобны для прохода больших масс конницы, но были преодолимы для небольших отрядов) [9, с. 101]. В дальнейшем, на протяжении XVI и XVII вв. оба эти приема неоднократно применялись татарами по отношению к российским рубежам, а значит, полученный опыт имел большое практическое значение для организации дальнейшего противодействия степному противнику.

Успешное применение артиллерии в 1480 г. стало возможным благодаря наличию естественного оборонительного рубежа, в качестве которого использовалась р. Угра. Кроме того, моральный эффект от применения пищалей, безусловно, сыграл важную роль в сражении, но его не удалось бы достигнуть в полевых условиях, не имея вынужденной задержки противника на переправах. Без опоры в виде естественных или искусственных оборонительных рубежей противостоять войскам Ахмата было трудно. Это подтверждает отвод главных русских сил с берега замерзшей Угры на тыловую Кременецкую позицию, а затем к Боровску. Однако Угра как естественная преграда значительно уступает Оке. Река сравнительно неширокая, изобилует узкими местами и бродами. Защита ее на широком фронте — задача более сложная, чем оборона полноводной Оки. Однако, по мнению В. Д. Назарова, Угра характеризовалась в то время быстрым течением и достаточной глубиной. Организация обороны в таких условиях давала ценный позитивный опыт, применение которого оказалось целесообразным в будущем. Победу русским обеспечили хорошее знание местности и заблаговременно занятые удобные позиции, превосходство в огнестрельном оружии, прежде всего, в артиллерии [15, с. 52]. Одна из характерных черт русской стратегии — стремление вести оборону на широком фронте, перекрывая наиболее вероятные направления вражеского вторжения, что требовало хорошей разведки, системы оповещения и оперативности руководства [3, с. 240, с. 265]. Отступление войск хана Ахмата означало успех выработанной стратегии, суть которой состояла в определении и организации обороны естественных рубежей для предотвращения прорыва противника в центральные районы страны. Важно помнить, что впервые за всю историю русско-ордынских войн хан Ахмат проводил длительную кампанию. Орда «нависла» над южными рубежами России [3, с. 234]. Таким образом, это вторжение имело определенное сходство с постоянной опасностью, исходившей со стороны Степи («Поля») в дальнейшем, поскольку русские силы были вынуждены ожидать нанесения главного удара на протяжении оборонительного рубежа от Коломны до Тарусы. Победа в этом противостоянии создавала модель успешной борьбы с татарами на Юге в условиях одновременного ведения боевых действий на северо-западном направлении и при наличии потенциальной угрозы с запада. Успех был обеспечен сосредоточением сил на южном направлении ценой их ослабления на северо-западе [3, с. 262-263].

Если оценивать дальнейшие меры России по военному противоборству с Ордой и государствами, образовавшимися на территории Джучиева улуса, то их можно воспринимать как оборонительную тактику, но стратегически такие меры позволили осуществлять постепенное продвижение в Степь и обеспечили победу над противниками [5, с. 482, примечание 1]. В это время главными противниками татар стали армии оседлых, земледельческих, народов, хорошо оснащенные доспехами, огнестрельным и клинковым оружием. Поэтому базовыми факторами татарской военной тактики второй половины XV-XVII вв. окончательно стали мобильность и массированный лучный бой [4, с. 234]. Появление в Крымском ханстве пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, в XVI в. не повлияло принципиально на соотношение сил и военную тактику и стратегию, т.к. численность

стрелков, принимавших участие в татарских походах этого времени, не превышала 1 тыс. чел., не выросла она существенно и в XVII в.. Артиллерийский парк Крымского ханства в середине XVI в. насчитывал несколько десятков артиллерийских орудий, а в середине XVII в. — около сотни стволов. Однако их основная масса была сосредоточена в крепостях полуострова и представляла собой крепостную, а не полевую артиллерию. При осаде русских крепостей артиллерия татарами использовалась редко (например, при штурме Пронска в 1541 г. и во время осады Тулы в 1552 г.) и успешным применением артиллерии в указанных случаях назвать трудно [4, с. 289-299].

Не следует представлять, что сразу после успеха «стояния на Угре» организация оборонительных рубежей стала единственным способом военного противодействия татарской опасности. Поражение Ахмата и последовавший распад Большой Орды способствовали нормализации обстановки на окских рубежах. Если до 1480 г. полки несли регулярную «береговую службу», то с 1480 по 1511 г. выставление полков прекратилось [18, с. 205]. В 80-90-е гг. XV в. Иван III предпринял ряд походов вглубь Степи, «под Орду», но они имели своей целью оказание военного давления на Большую Орду ради помощи союзному Крымскому ханству [9, с. 116-118] и, по мнению В. В. Каргалова, имели незначительный масштаб. Однако, уже в 1501 г., когда поблизости от Северских земель появилась орда Ших-Ахмета, на окраины были направлены русские полки, но их задачей была организация обороны рубежа, без развязывания активных боевых действий против татар [10, с. 23-25], что вполне понятно в условиях войны с Великим княжеством Литовским.

Вероятно, русско-литовские войны конца XV — первой трети XVI в. имели своей основной причиной противоречия между Россией и Великим княжеством Литовским [11], но включение в состав Российского государства в результате войны 1500-1503 гг. Северной земли позволило не только отодвинуть российскую границу на юг. Теперь появилась возможность угрожать татарским сакмам с фланга. Линия обороны была организована по реке Сейм с опорой на имевшиеся здесь крепости Путивль и Рыльск. В это же время появляется новый аспект в организации обороны — привлечение военных сил, имевшихся на месте, в данном случае — «верховских» и «северских» служилых князей.

После 1511 г. Россия вновь была вынуждена ввести «береговую службу». С тех пор государство почти ежегодно вплоть до конца XVI в. выставляло по Оке воинский контингент, подчинявшийся коломенскому воеводе [18, с. 205]. По мнению Д. М. Володихина, Россия впервые почувствовала серьезную военную опасность со стороны Крымского ханства весной 1512 г., когда южнорусские земли подверглись масштабному нападению крымских «царевичей», и именно с этого момента начинает складываться оборонительная система на Оке, а уже в 1520-х гг. общая схема окской обороны «по берегу» закрепляется на долгие десятилетия вперед [5, с. 482-483]. Прорыв окского оборонительного рубежа во время вторжения Мухаммед-Гирея в 1521 г. показал необходимость совершенствования военно-оборонительной системы на Юге. Ока, несмотря на ее полноводность и глубину, не имея сплошной линии укреплений, не смогла послужить основой для предотвращения прорыва крупных вражеских сил. Не выполнила до конца своих задач российская сторожевая служба, поскольку не удалось определить точное место, где татары планировали форсировать Оку. Ощущался недостаток артиллерии, которая могла бы обеспечить перевес русских сил над татарской конницей [10, с. 29-67].

Учтя полученный опыт, правительство Василия III смогло организовать эффективную оборону «берега» в 1527 г., когда сын Мухаммед-Гирея Ислам-Гирей с десятитысячным войском попытался перебраться через Оку в районе Ростиславля [10, с. 76-79; 19, с. 464]. В мае 1532 г. впервые в истории «береговой службы» на Оку было привезено большое количество артиллерии. Пушки были расположены у бродов «от Коломны и до Коширы и до Сенкина и до Серпухова и до Колуги и до Угры» [20, с. 57].

Начиная с набега Мухаммед-Гирея в 1521 г., многотысячная татарская конница не раз прорывалась вглубь России по традиционным дорогам в обход естественных рубежей

— лесных массивов и глубоководных рек. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам Северского Донца и Ворсклы с одной стороны (на западе), Оскола — с другой (на востоке). Во второй половине XVI в. набеги крымских татар участились. В последней четверти XVI в. в набегах стал использоваться также водораздел Оскола и Дона. Для вторжений использовались три главные крымские сакмы. Первая из них — Муравская — начиналась у верховьев р. Самары, притока Днепра, и проходила между верховьями Ворсклы и Северского Донца. Вторая — Изюмская — также начиналась у верховьев р. Самары, шла прямо на север, где у Изюм-курмана татары переправлялись через Северский Донец, далее продвигались по его левобережью, обходя Нежегольский лес, р. Корочу и по водоразделу между Донцом и Осколом, и устремлялись к безлесному участку между Нежегольскими и Оскольскими лесами в районе современного Яблонова. Третья — Кальмиусская дорога — начиналась у истоков донского притока р. Кальмиуса, вела к переправе через Северский Донец чуть выше впадения в него р. Айдар и далее по водоразделу рек Оскола и Айдара выводила татар к переправе на безлесном участке через Тихую Сосну. Активизация крымцев требовала введения особых мер по обороне южной окраины государства [17, с. 32; 16, с. 29].

Опираясь на Оку, удалось эффективно противостоять вторжениям татар в 1532 и 1533 гг., но значительные территории оказались разоренными. Начиная с 1535 г. часть сил начинает выдвигаться в города за Окой — Тулу, Пронск и Одоев. Однако, основным стратегическим рубежом оставался берег Оки. Показательным в этом отношении является отражение похода крымского хана Сагиб-Гирея в 1541 г. После получения первых известий о готовящемся походе крымцев было организовано проведение разведки в степи. Станицы своевременно информировали Москву о передвижении вражеских сил. В соответствии с полученными сведениями была проведена перегруппировка российских войск. Сражение главных сил на Оке, в том числе с использованием артиллерии, продолжалось целый день 30 июля и крымцы так и не смогли переправиться через реку [19, с. 464; 5, с. 484-489]. Эти события свидетельствовали, что оборонительная линия по берегу Оки достаточно эффективна, но опираясь на нее не получается обеспечить безопасность уездов, находящихся южнее Оки. Вместе с тем, хорошо показали себя крепости, расположенные за Окой [10, с. 92-100]. Стала понятна необходимость создания еще одной оборонительной линии со стороны Поля, организованной на основе принципов, успешно использованных впервые во время «стояния на Угре».

Стала формироваться правительственная стратегия, суть которой состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей — форпостов, защищавших окраинные уезды и перекрывавших путь вглубь страны. В XVI в. в лесной полосе, проходившей вдоль рек Жиздры, Упы и Прони, сооружается Засечная черта: в лесистой местности основу фортификации составили протянувшиеся между крепостями «засеки» — искусственные лесные завалы, способные задержать татарскую конницу и дать время жителям окрестных сел укрыться в городах, а правительству — подтянуть войска к месту ожидавшегося прорыва неприятеля. С этого времени русские вооруженные силы опирались на выстроенные засеки, что позволяло выдвинуть оборонительный рубеж дальше на юг, но делало необходимым дополнением обороны активную разведывательную деятельность сторож и станиц.

В середине XVI в. продолжилось поступательное движение Российского государства на юг. Были построены новые города, которые вместе с существовавшими ранее к югу от Оки составили новую оборонительную линию, включавшую в себя Новгород-Северский, Путивль, Рылск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивну, Тулу, Дедилов, Епифань, Данков, Ряжск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и др. Перечисленные города были центрами сосредоточения вооруженных сил, оперировавших против татар. Теперь в значительной мере тяготы по борьбе с татарами были возложены на представителей служилых корпораций этих городов. Они же стали центрами широко организуемой сторожевой и станичной службы в степи, которую несли дворяне, дети боярские, казаки, станичники и

станичные вожи этих городов. В 50-е гг. XVI в. окончательно оформляется передовая оборонительная линия, надежно защищавшая от крымских набегов Северскую землю, уезды за Окой и Рязанскую землю [10, с. 126-129]. В соответствии с природно-географическими особенностями местности, основным «элементом», на котором базировалась оборонительная система, выступал лес, а не река, как это было на «берегу». При этом основным видом укреплений являлись засеки — лесные завалы, устроенные из срубленных на уровне человеческого роста деревьев, поваленных кроной в сторону неприятеля. Засеки дополнялись, в случае необходимости рвами и валами. За линией засек находилась вторая линия обороны, которая состояла из крепостей и различных искусственных препятствий [21, с. 84-85]. В это время была выработана и проверена на практике не только оборонительная стратегия России против татарских набегов, но и отработана тактика обороны с опорой на отдельные звенья оборонительной системы, в том числе крепости и укрепления, возводившиеся на дорогах, проходивших сквозь засеки [21, с. 113].

Необходимо обратить внимание на попытку изменения тактики военных действий в отношении Крымского ханства в середине XVI в. Связана она с серией превентивных ударов, произведенных по крымским владениям отрядом боярина И. В. Шереметева в 1555 г. и отрядами князя Д. И. Вишневецкого в 1556-1661 г. Несмотря на то, что в это время не было татарских нападений на русские земли и эти удары можно считать успешными, даже с учетом больших потерь отряда И.В. Шереметева, встретившегося в бою с основными силами крымцев [10, с. 135-139], в дальнейшем от подобных действий отказались [10, с. 143-147; 12, с. 300-315]. Справедливости ради, следует отметить ставшие обычной практикой действия отрядов «легких воевод» за Окой, направленные на нейтрализацию отдельных татарских отрядов, грабивших заозские уезды, а также периодические походы казаков против крымцев. Впрочем, есть мнение, что «наступательные» действия казаков в XVI-XVII вв. были существенно более эффективными по сравнению с «оборонительными» мероприятиями русских царей [23, с. 308]. Ливонская война отвлекла на запад большие силы, ослабив оборону южных подступов к самой Москве. Введение опричнины дезорганизовало не только управление страной, но и ее вооруженные силы, разделившиеся на опричное и земское войско. Дивлет-Гирей сумел перехитрить российских воевод, обойдя с запада противостоявшие ему войска. Несмотря на вполне внушительную численность московских полков, отсутствие согласованности в их действиях, а также несвоевременность поступления информации об изменении направления движения татар, незамеченного сторожевой службой, привели к поражению 24 мая 1571 г. в сражении под стенами Москвы [19, с. 473].

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба, организатором которой являлся боярин М. И. Воротынский. В основу новой организации службы было положено тотальное наблюдение за всей пограничной территорией. С этой целью была учреждена так называемая сторожевая линия. Она начиналась на территории нынешней Курской области, по Сеймице Донецкой, выходила на верховья рек Коренья и Корочи, пересекала их и доходила до Оскола в устье Убли, далее поворачивала на юг и вдоль Оскола доходила до верховьев Айдара, а затем вновь шла на восток к Дону до Вешек, а далее, пересекая пути ногайских набегов, по Волге доходила почти до Казани (до Тетюшей). Таким образом, были взяты под контроль все пути проникновения вглубь России ее кочевых соседей.

Вся линия была разбита на участки, охрану которых возглавляли воеводы, помещавшиеся в «стоялых» острогах — временных укреплениях. На каждом участке были расписаны маршруты сторожей, начало и конец которых обозначались специальными знаками. За отдельной сторожей закреплялся конкретный маршрут, протяженностью, как правило, равной дневному конскому переходу. Сторожа, патрулировавшие свой участок, обязаны были встречаться на границе маршрута с сослуживцами по соседним маршрутам и обмениваться собранной информацией. Все сообщения о ситуации на участке стекались к воеводе, который в случае необходимости рассылал гонцов к воеводам других участков и в ближайшие города.

К лету 1572 г. важнейшие броды на Оке были перекрыты, усилены укрепления украинских городов-крепостей. Эти меры позволили два дня сдерживать попытки крымцев переправиться через Оку [19, с. 474-475], а в дальнейшем обеспечили успех в навязанном татарам сражении при Молодях. С 1572 по 1598 г. на Оке ежегодно стояли пять полков: Большой полк — в Серпухове, Полк правой руки — в Тарусе, Передовой — в Калуге, Сторожевой — в Коломне, Полк левой руки — в Кашире [18, с. 205].

С 1573 г. вооруженные силы украинских городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорывов татар к Москве. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки. Последние полтора десятилетия XVI в. ознаменованы большими успехами России на Юге. С 1599 г. «береговая» служба на Окской линии отменяется, и полки начинают располагаться за Окой, на Тульской засечной черте. Это свидетельствует о создании новой оборонительной линии, проходившей южнее Оки, — Тульской засечной черты, которая, однако, превратилась в единую оборонительную линию лишь во второй половине XVI в. Ее строительство было завершено, в основном, к 1566 г., но Черта продолжала укрепляться и позднее, а последние по времени масштабные работы по ее ремонту были проведены в 1638 г. Оборонительная линия протянулась более чем на 1000 км, она состояла из укрепленных городов, лесных и водных преград и специально возведенных крепостей. По мнению К. С. Носова, с 1558 по 1596 г. набеги татар происходили практически ежегодно, но лишь во время одного из них, в 1571 г., противник прорвался за Черту [17, с. 32-33]. Однако необходимо учесть поход Казы-Гирея 1591 г., когда ему удалось прорваться к Москве. Успех этого похода вполне справедливо связывается с отвлечением основных русских сил на западный театр военных действий, связанный с русско-шведской войной 1590-1595 гг. Казы-Гирей и царевичи, «ходившие на Русь», обратили внимание на то, что ни на Украине, ни на Оке почти не было российских военных сил [16, с. 41].

В период с 1586 по 1600 г. на Поле было поставлено шесть новых городов: Ливны, Воронеж, Белгород, Оскол, Царев-Борисов, Валуйки и возобновлены Елец и Курск. Каждый новый город становился не просто населенным пунктом, но и крепостью, имеющей собственный гарнизон. В городе поселялись «на вечное житье» с семьями дети боярские, получавшие поместья и денежное жалованье и несшие полковую, городскую, сторожевую и станичную службу, а также низшие разряды служилых людей — стрельцы, казаки, пушкарки, затинщики и воротники. Часть этих служилых людей переводили из других городов, а часть набирали на месте из вольных людей. Служилые люди совмещали несение воинской службы с занятием земледелием, поскольку правительство обеспечивало гарнизоны хлебным жалованьем только на первых порах, до того времени, пока жители упомянутых городов не обзавелись хозяйством и не распахали целину. События Смутного времени привели к ослаблению позиций России в Днепро-Донской лесостепи. Показательно, что после Смуты вновь вводится «береговая служба» и до 1646 г. полки дворянской конницы ежегодно выставлялись на берегах Оки, и только строительство Белгородской черты позволило окончательно отменить «береговую службу» [18, с. 205].

Новые города на Поле не перекрыли полностью пути татар в центр Российского государства, поскольку степные татарские сакмы (дороги) оставались свободными. По окончании Смоленской войны Россия развернула строительство Белгородской черты — укрепленной линии на Юге России, построенной в 1635-1658 гг. на путях вторжения крымских и ногайских татар. В 1635-1645 гг. были сооружены Козловский и Яблоновский земляные валы поперек Ногайской и Изюмской сакмы и построены новые города-крепости: Козлов, Яблонов, Усерд, Короча, Хотмыжск, Вольный, Костенск, Ольшанск и Усмань, что позволило с 1646 г. выдвинуть полки дворянской конницы на новую укрепленную линию. В то же время явно прослеживается иная тенденция в организации вооруженных сил данного региона — формирование местных постоянных гарнизонов. Именно местные служилые люди стали впоследствии основной силой, обеспечивавшей оборону Юга.

Мощный удар, произведенный в 1637 г. Сафа-Гиреем, показал необходимость усиления обороноспособности южных российских рубежей. Были ускорены работы на Белгородской черте, но до завершения этой оборонительной линии было еще далеко. Поэтому в 1638 г. была усилена Тульская засечная черта, ставшая вновь полноценной надежной преградой на пути вражеской конницы. Порядок сбора ратных людей в полках вдоль Тульской засечной черты сохранялся с 1639 по 1645 г. включительно. Более того, и после 1646 г., ратных людей продолжали собирать в полки по первой черте, несмотря на то, что основные силы разворачивались вдоль Белгородской черты. Эта ситуация, как вполне справедливо заметил А. А. Новосельский, напоминает явление XVI в., когда вновь возникшие полки «украинного разряда» долгое время существовали одновременно с полками береговой службы [16, с. 372]. В 1641 и 1645 гг. два крупных успешных набега татар, обошедших недостроенную у Муравского шляха Белгородскую черту, выявили недостатки в организации обороны: отсутствие единого руководства, распыление сил и медленность их сосредоточения в необходимом месте [17, с. 41-43]. Однако, уже в 1646 г. наступает перелом на южной границе. Московское правительство ввело новую схему расположения военных сил по Белгородской черте и установило систему единого командования ими [16, с. 368]. С этого времени оборона Белгородской черты оказывается на высоте и достойно выдерживает нападения степняков. При этом оборона Черты продолжала совершенствоваться до 1658 г. [18, с. 212]. По мнению В. П. Загоровского, до строительства Белгородской черты достоинства «московской оборонительной системы» были весьма сомнительны и заметны только по сравнению с полным отсутствием таковой в Польше [7, с. 54].

В 1646 г. произошло существенное изменение в расположении полков в украинских городах — впервые полки были выдвинуты на передовую линию. Теперь в случае опасности воеводы с ратными людьми из Орла, Тулы, Новосила, Мценска, Ливен, Ельца, Оскола, Яблонова, Валуйки, Корочи, Вольного, Хотмыжска, Чугуева и Усерда должны были сходиться в Белгород и поступать под командование боярина князя Н. И. Одоевского, т.е. в большинстве случаев двигаться вперед, в направлении степи, а не назад, к Тульской засечной черте, как практиковалось ранее [16, с. 371]. В 1653 г. прекращается выдвижение полков дворянской конницы на Белгородскую черту. Белгородская черта представляла собой систему разнообразных инженерных сооружений из земли и дерева (валы, засеки, надолбы, острожные стены), включала в себя естественные препятствия — леса, реки, болота и топи. Однако главными узлами обороны Черты являлись города-крепости, имевшие довольно внушительный гарнизон. Каждый город на Белгородской черте имел свой участок обороны, свою военную зону, которая смыкалась с зоной соседнего города. Черта делилась на 25 участков, два участка имели определенные особенности: центр Олешнинского участка — г. Олешня, находился за чертой, а центром Борщевского участка был не город-крепость, а укрепленный монастырь. При этом лесные засеки не были основным видом укреплений Белгородской черты, поэтому иногда встречающееся в литературе наименование «Белгородская засечная черта» не является правильным.

В этих условиях падает роль станиц и сторож, основной задачей которых было предупреждение полков, находившихся на Оке, о появлении татар. Начиная с 1635 г. постепенно сокращается число стационарных наблюдательных пунктов — сторож. Система оповещения стала опираться на строящиеся инженерные сооружения — стоялые острожки. В 1651 г. в 22 городах Белгородской черты служил 17 741 чел. Самая распространенная категория служилых людей — дети боярские (4 788 чел.), затем следуют казаки (4 021 чел.), драгуны (2 942 чел.) и станичники (600 чел.). Особенностью вооруженных сил Белгородской черты второй половины XVII вв. являлось присутствие в составе гарнизонов крепостей довольно значительного количества черкас — 975 чел. [7, с. 141].

Созданная сеть укреплений, протянувшаяся почти на 800 км (от р. Ворсклы — притока Днепра до р. Челновой — притока Цны), обусловила окончательное закрепление России в данном регионе. После вхождения Левобережной Украины в состав России в 1654 г.

выявился серьезный военно-стратегический недостаток Белгородской черты. Западный фланг Белгородской черты, прежде примыкавший к русской границе, теперь оказался оголенным, поскольку в бывших пределах Речи Посполитой не было никаких укрепленных линий, и у татар появилась возможность обхода укреплений Белгородской черты с запада. Кроме того, в условиях войны с Речью Посполитой требовались дополнительные возможности для пополнения армии. Правительство обратило внимание на южные области страны. На юге России была проведена военно-административная реформа, предполагавшая формирование крупного постоянного военного соединения — Белгородского полка. Формирование Белгородского полка повлекло за собой образование крупного военно-административного округа — Белгородского разряда. Первоначально в этот разряд было включено 17 городов, а по росписи 1677/78 гг. значилось уже 61 [7, с. 158]. В границах Белгородского разряда в 1679-1680 гг. возвели еще одну укрепленную линию — Новую (Изюмскую) черту. Она проходила от города Усерд через Валуйки, Двуречную, Купенск, Царев-Борисов, Изюм, Балаклею, Лиман, чуть южнее Змиева, Соколова, Водолаги, Валок и далее через Высокополье до Коломака. Строили Изюмскую черту служилые люди Белгородского полка. В работах участвовало более 30 000 чел. [8, с. 288]. Общая протяженность Новой черты составляла около 530 км. Хронологически эта черта возводилась вслед за Белгородской чертой и укрепленными линиями в Поволжье. В военном отношении Новая черта находилась в подчинении белгородского воеводы, поэтому иногда воспринималась как часть Белгородской черты. Новая черта, в отличие от Белгородской, не была разделена на военные зоны, не имела четкой системы военного управления, но в плане использования инженерных сооружений Изюмская черта не отличалась от Белгородской принципиально. Можно отметить господство земляных валов и засек и незначительное использование естественных препятствий на участке от г. Коломака до р. Северского Донца. Вдоль Северского Донца не было насыпано земляных валов, а использовались деревянные оборонительные сооружения и засеки. Участок Изюмской черты, проходивший вдоль р. Оскола, по сравнению с другими участками, был слабее заселен, а местами вовсе не имел оборонительных укреплений. Возведенные отдельные земляные валы, линии надолб и лесные засеки не составляли в 1680 г. с существующими городками единого военно-инженерного комплекса. Вдоль укрепленной линии, на расстоянии 20-30 км одна от другой, располагался ряд крепостей, среди которых можно выделить ряд основных: Коломак, Высокополье, Новый Перекоп, Валки, Водолага, Соколов, Змиев, Бишкин, Лиман, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинский, Изюм, Царев-Борисов, Острополье, Купенский, Двуречный, Каменский, Валуйки, Полатов. Несколько крепостей было построено вне Новой черты (Богодухов, Харьков, Салтов, Маяцкий, Тор и др. С 1692 г. на Изюмскую черту стали регулярной выдвигаться подразделения Белгородского полка. Все попытки татарских отрядов прорваться через новую укрепленную линию не увенчались успехом. Изюмская черта успешно выполняла свои функции вплоть до 30-х гг. XVIII в., когда в связи с постройкой Украинской линии между Днепром и Северским Донцом, а также военными успехами России в Приазовье, она потеряла свое значение [18, с. 214].

По мере колонизации юго-восточных и восточных окраин России здесь начинается строительство новых городов-крепостей — Симбирска, Тамбова, Пензы, Сызрани и др. Начало оборонительной системы в этом регионе было положено линией Кадом — Темников — Алатырь — Тетюши еще в XVI в. В 30-80-е гг. XVII в. южнее и восточнее были сооружены укрепленные линии, о которых упоминалось выше [17, с. 45-46; 18, с. 214-217]. Здесь в дальнейшем сооружаются оборонительные пограничные линии: Закамская, Симбирская, Сызранская. Закамская черта примыкала к Симбирской, а Симбирская к Белгородской. Таким образом, южные и юго-восточные границы государства были защищены непрерывной линией укреплений [13, с. 69-70].

Еще одним проявлением сложившейся стратегии стало строительство Украинской линии, системы полевых укреплений, возведенных в 30-х гг. XVIII в. на границе Россий-

ской империи к югу от Белгородской и Изюмской черты для предотвращения набегов крымских и ногайских татар. Ее общая протяженность составила порядка 300 км между реками Днепр и Северский Донец. Главными опорными пунктами линии стали 16 возведенных заново крепостей и 4 отремонтированных и перестроенных укрепленных слободы — слобода Степановка, крепости св. Петра, Тамбовская, Слободская, Михайловская, Алексеевская, Ефремовская, св. Прасковьи, Орловская, Ивановская, Белевская (она стала своеобразной столицей линии — в ней разместился штаб и канцелярия Украинского ландмилицкого корпуса), слобода Козловская, крепости Федоровская, Ряжская и Васильковская, слобода Нехорошенка, Ливенская крепость, слобода Царицынка и крепости Китай-городок и Борисоглебская. Для защиты участков между крепостями и слободами были возведены дополнительно еще 142 номерных редута (они не имели названий и учитывались по номерам).

Таким образом, стратегия государственной колонизации Днепро-Донской степи, начавшая формироваться в последней четверти XV в., привела к закреплению за Россией рассматриваемого региона. К XVI в. вполне сформировалась стратегия обороны государственной территории России. Она осуществлялась по трем основным направлениям: 1) укрепление границ государства, что подразумевало возведение пограничных крепостей или укрепленных линий значительной протяженности, призванных не пропустить противника на свою территорию; 2) учет возможности прорыва вражеских сил через пограничные укрепления и необходимость остановить противника, не допустив его до Москвы (для этого требовалось построить крепости на путях возможного продвижения противника) и 3) укрепление самой столицы государства. Созданные на протяжении XVI-XVII и в первые десятилетия XVIII в. на южном и юго-восточном направлении оборонительные линии были ориентированы на организацию борьбы с татарами. Они состояли из земляных укреплений, засек и деревянных сооружений. Продвижение на юг повлекло за собой необходимость организовать оборонительные рубежи на территории, не имевшей значительных лесных массивов, что не позволяло использовать засеки. Открытые участки местности перекрывались рвами и земляными валами, которые усиливались деревянными укреплениями (башнями, острогами и др.). Создание сплошных оборонительных сооружений с относительно слабыми фортификационными элементами объясняется особенностями тактики степных кочевников. Обычно они не имели осадной артиллерии и боеспособной пехоты. Их армия состояла из легкой, высокоманевренной конницы. Крепости они штурмовали редко, чаще всего они только блокировали гарнизон, чтобы получить свободу действий на прилегающей территории. Поэтому укрепления южных оборонительных линий создавались исходя из цели затруднения продвижения татар, ограничения маневров конницы и задержки ее до прихода крупных военных сил [18, с. 219].

Государственная политика на протяжении двух столетий не оставалась неизменной. Первоначально дворянское конное ополчение для отражения татарских вторжений в район Москвы ежегодно собиралось на берегу Оки. Затем, с созданием Тульской засечной черты, намечается тенденция перехода к построению обороны, опирающейся не только на естественные рубежи, но и на искусственные укрепления, характер которых определялся особенностями ландшафта. О дальнейшем развитии этой практики можно говорить в связи с постройкой городов-крепостей на Польской Украине России и на Поле. В это время основная тяжесть борьбы с татарами легла на представителей служилых корпораций этих городов. Колонизация Днепро-Донской лесостепи привела к созданию общероссийской сторожевой и станичной службы, которая постепенно утратила свое значение после постройки Белгородской черты. Сооружение этой оборонительной линии, как и ряда других, в последующий период имело ряд отличительных признаков, связанных с особенностями местности, обусловившей необходимость создания большего количества земляных и деревянных укреплений в сравнении с Тульской засечной чертой. Оборона Белгородской черты первоначально осуществлялась традиционно организованными вооруженными силами. Затем было сформировано постоянное мощное соединение — Белгородский полк, значительную

часть которого составляли полки нового строя. Впоследствии была создана и отдельная военно-административная единица — Белгородский разряд, благодаря чему вся военная и гражданская власть на южной границе была сосредоточена в руках белгородского воеводы. После заключения Андрусовского перемирия с Польшей на повестку дня вышло решение задачи выхода страны к естественным рубежам. Достижению этой цели препятствовала Османская империя. Постоянная военная опасность со стороны Турции в сочетании с ограниченными финансовыми возможностями государства привели к компромиссному варианту организации вооруженных сил Юга России — созданию Украинской ландмилиции, просуществовавшей до 80-х гг. XVIII в., когда после включения в 1783 г. Крыма в состав России армейские части на юге страны потеряли свою специфику и стали аналогичными воинским подразделениям, располагавшимся в других регионах Российской империи.

Организация обороны на широком фронте с опорой на естественные рубежи в сочетании с активной разведкой в целях перекрытия наиболее вероятных путей вторжения противника впервые принесла успех в 1480 г. На протяжении двух последующих столетий стратегия и тактика татарских вторжений не изменилась и выработанные меры продолжали оставаться эффективными на протяжении XVI-XVII вв.

Список литературы

1. *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 268 с.
3. *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 464 с.
4. *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. II. С. 210-288. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>.
5. *Володихин Д. М.* «Царев приход» на Оку 1541 года // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. II. С. 482-494. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3/.
6. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.
7. *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1969. 304 с.
8. *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1991. 272 с.
9. *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М.: Наука, 1984. 152 с.
10. *Каргалов В. В.* На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 183 с.
11. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
12. *Кузнецов О. Ю.* Князь Д. И. Вишневецкий и оборона русских земель в районе Куликова поля в середине XVI столетия // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 300-315.
13. *Литвинов В. А.* Защита и охрана границ в Древнерусском и Русском централизованном государствах: IX-XVI вв.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2005. 197 с.
14. *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.

15. Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М.: Знание, 1983. 64 с.
16. Несин М. А. К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. I. С. 110-132. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/spec_5.
16. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.
17. Носов К. С. Русские крепости конца XV-XVII вв. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 248 с.
18. Носов К. С. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
19. Пенской В. В. Война за Ордынское наследство // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. II. С. 450-480. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/05/16/penskoj_9.
20. Пенской В. В. От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития. Белгород: Политерра, 2008. 256 с.
21. Рябов С. А. Здесь государевым «украинам было береженье». Российское пограничье — особый объект культурного и природного наследия. М.: Институт Наследия, 2007. 335 с.
22. Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт Эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.
23. Широкопад А. Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2005. 496 с.

References

1. Alekseev, Yu. G. *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga* [The Liberation of Russia from the Tartar Yoke]. Leningrad, Nauka Publ., 219 p. (in Russian).
2. Alekseev, Yu. G. *Pod znamenami Moskvy: Bor'ba za edinstvo Rusi* [Under the Banners of Moscow: Struggle for the Unity of Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1992. 268 p. (in Russian).
3. Alekseev, Yu. G. *Pokhody russkikh voysk pri Ivane III*. [The campaigns of the Russian army under Ivan III]. Sankt-Peterburg, Publ. St. Peterburg University, 2009. 464 p. (in Russian).
4. Bobrov, L. A. *Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev kontsa XV — serediny XVII vv.* [The Art of War of the Crimean Tartars and Nogais from the end of the XV to the mid — XVII century] in *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2016. Spetsial'nyy vy-pusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480-2015* [History of military arts: researches and sources. 2016. Special edition V. Great stand on the Ugra river]. Vol. II. P. 210-388 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>. (in Russian).
5. Volodikhin, D. M. «Tsarev prikhod» na Oku 1541 goda [The Tzar's arrival on the Oka River in 1541] in *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. 2016. Spetsial'nyy vy-pusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480-2015* [History of military arts: researches and sources. 2016. Special edition V. Great stand on the Ugra river]. Vol. II. P. 482-494. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3. (in Russian).
6. Gorskiy, A. A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 214 p. (in Russian).
7. Zagorovskii, V. P. *Belgorodskaja cherta* [Belgorod Fortification Line]. Voronezh, Publ. Voronezh State University, 1969. 304 p. (in Russian).
8. Zagorovskii, V. P. *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian State in the XVI century]. Voronezh, Publ. Voronezh State University, 1991. 272 p. (in Russian).

9. Kargalov, V. V. *Konec ordynskogo Iga* [The end the Horde's reign]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 152 p. (in Russian).
10. Kargalov, V. V. *Na stepnoj granice* [On the Border of the Steppe]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 183 p. (in Russian).
11. Krom, M. M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Border Land in Russian-Lithuanian relations in the late XV – the first third of the XVI century]. Moscow, Kvadriga Publ., 2010. 320 p. (in Russian).
12. Kuznetsov, O. Yu. *Knyaz' D. I. Vishnevetskiy i oborona russkikh zemel' v rayone Kulikova polya v seredine XVI stoletiya* [Prince D. I. Vishnevetsky and defence of Russian lands in the area of Kulikovo field in the middle of the XVI century] in *Kulikovo pole: Voprosy istori-kul'turnogo naslediya* [Kulikovo field: Historical and cultural heritage issues]. Tula, Tul'skiy poligrafist Publ., 2000. P. 300-315. (in Russian).
13. Litvinov, V. A. *Zashchita i okhrana granits v Drevnerusskom i Russkom tsentralizovannom gosudarstvakh: IX-XVI vv.* [Defense and protection of borders in the Old Russian and Russian centralized States: IX-XVI centuries]. Moscow, Pogranichnaya akademiya FSB Rossii Publ., 2005. 197 p. (in Russian).
14. Lur'e, Ya. S. *Dve istorii Rusi XV veka* [Two history of Russia of the XV century]. Sankt-Peterburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1994. 240 p. (in Russian).
15. Nazarov, V. D. *Sverzhenie ordynskogo iga na Rusi* [The Overthrow of the Tartar Yoke in Russia]. Moscow, Znanie Publ., 1983. 64 p. (in Russian).
16. Negin, M. A. *K voprosu o prichine otstupleniya tatarskogo voyska posle stoyaniya na Ugre* [Onquestion of the Tartarmy's retreatafter The Great Standoff on the Ugra River] in *History of military arts: researches and sources. 2015. Special edition V. Great stand on the Ugra river. Vol. I. P. 110-132.* [Electronic resource]. Mode of access: http://www.milhist.info/2015/10/23/negin_5. (in Russian).
16. Novosel'skij, A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka* [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of XVII century]. Moscow; Leningrad, Publ. Academy of Sciences of the USSR. 1948. 448 p. (in Russian).
17. Nosov, K. S. *Russkie kreposti kontsa XV-XVII vv.* [Russian fortresses of the late XV-XVII century] Sankt-Peterburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya Publ., 2009. 248 p. (in Russian).
18. Nosov, K. S. *Russkie srednevekoveye kreposti* [Russian medieval fortresses]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 352 p. (in Russian).
19. Penskoj, V. V. *Voyna za Ordynskoe nasledstvo* [The War of the Golden Horde's Succession] in *History of military arts: researches and sources. 2016. Special edition V. Great stand on the Ugra river. Vol. II. P. 450-480.* (in Russian).
20. Penskoj, V. V. *Ot luka k mushketu. Vooruzhennyye sily Rossiyskogo gosudarstva vo 2-y polovine XV-XVII vv.: problemy razvitiya* [Transition from bow to musket. Armed forces of the Russian state in the second half of XV-XVII centuries]. Belgorod, Politerra Publ., 2008. 256 p. (in Russian).
21. Ryabov, S. A. *Zdes' gosudarevym «ukrainam bylo berezhen'e». Rossiyskoe pogranich'e — osoby ob'ekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [The Russian border is a unique area of cultural and natural heritage]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2007. 335 p. (in Russian).
22. Trepavlov, V. V. *Bol'shaya Orda — Takht Eli. Ocherk istorii* [A Large Horde — Takht Eli. Essay on the history]. Tula, Grif & K Publ., 2010. 112 p. (in Russian).
23. Shirokorad, A. B. *Rus' i Orda* [Russia and the Horde]. Moscow, Veche Publ., 2005. 496 p. (in Russian).